

ПЛУЧЕК НЕ ХОЧЕТ СЛЫШАТЬ О ЮБИЛЕЕ, ПОКА НЕ ВЫПУСТИТ ПРЕМЬЕРУ

Кинистура. — 1994. — Юсепт. — с. 1.

Мое преклонение перед соседом

Мы живем с Валентином Николаевичем Плучеком в одном доме. Так что сегодня я могу говорить о нем просто, по-соседски. Хотя, кажется, получается неплохая аллегория. Ибо наше с ним соседство выходит за пределы дома на Большой Бронной. Мы — соседи по Театру, по долговому пути, пройденному в профессии.

Эта моя юбилейная речь немного смущает меня самого. Я как-то даже робею, произнося слова во здравие Плучека, ибо слишком ясно сознаю, какая это мощная и сильная фигура нашей отечественной сцены. Сорок пять лет работать при идеологизированном обществе в театре под названием «Сатира» — это, знаете ли, подвиг. Прежние руководители этого театра молили, помнитесь, всех святых, чтобы театру поменяли название или хотя бы расширили до Театра комедии. Тут, в случае чего, можно было отделаться легкой шуткой. А жанр сатиры, как известно, предполагает острое, бичующее слово. Ну и кого долгие годы можно было бичевать в нашем государстве?

Одним словом, «голова» такого театра, то есть его руководитель, с секундно была подставлена под гильотину. Непостижимо, но Плучек не только никогда не пасовал, но всегда нес свою голову гордо, легко и весело. И ставил всю драматургию Маяковского — и «Баню», и «Клопа», и «Мистерию-буфф». Ухитрился поставить в 70-е годы «Самоубийцу» Н. Эрзмана — деяние, которое, впрочем, те годы сразу было пресечено. Как и «Теркин на том свете» А. Твардовского, оставшись в истории советского театра как акт поразительного мужества.

Нет. Цельность и гармоничность натуры Валентина Николаевича не могли не предопределить его удачливой судьбы. Один из учеников Вс. Мейерхольда, он никогда, даже в самые страшные годы лихолетья, не забывал своего учителя, не переставал гордиться тем, что он — его питомец.

Судьба первый раз свела меня с Плучеком в Арбузов-

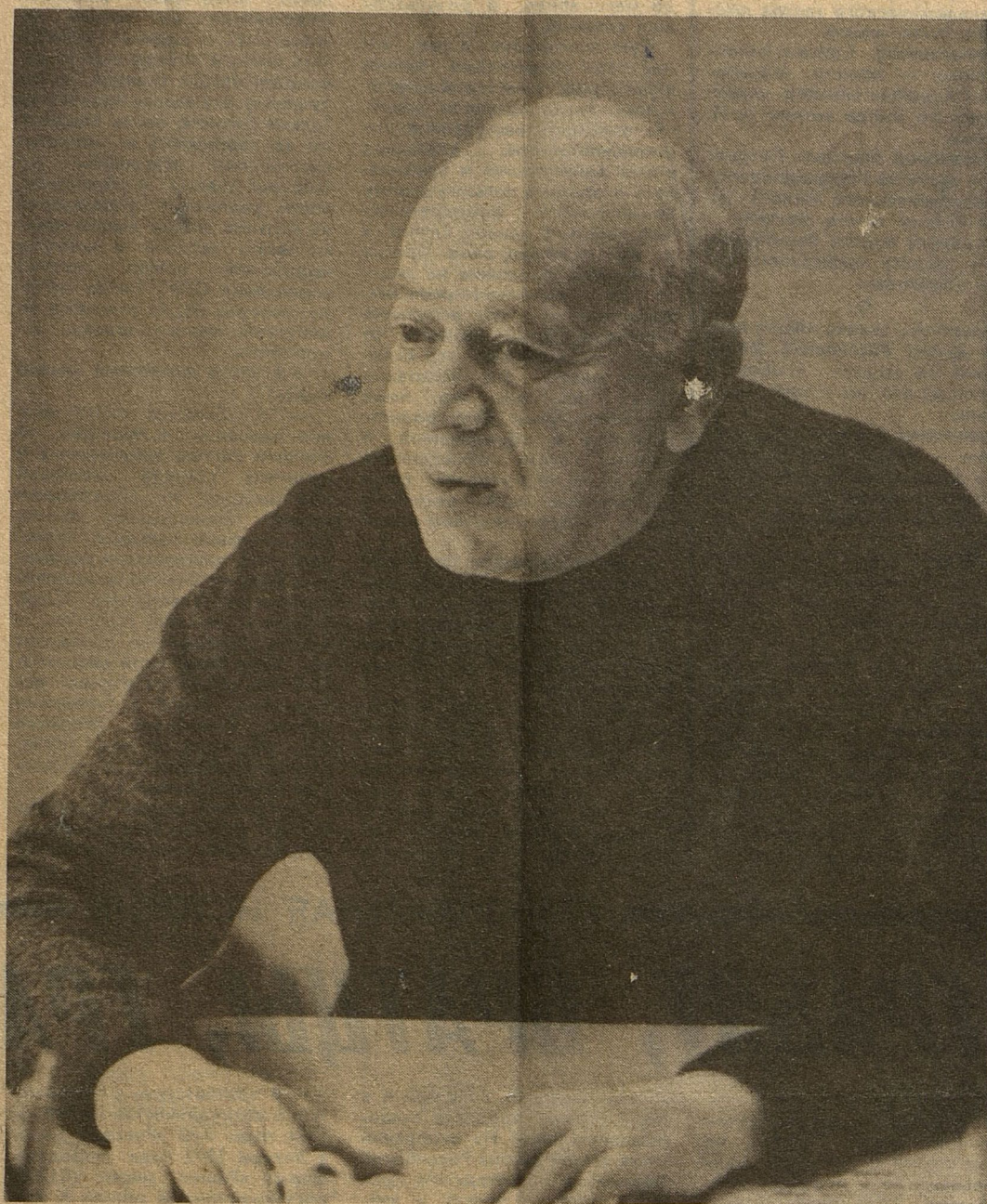
ской студии — очаге поиска, новаторства и творческой свободы в довоенной, канонизированной жизни советского театра. Не забыть, как в спектакле «Город на заре» актеры изобретательно обыгрывали обычные предметы. Это был Плучек, за которым проглядывал Мейерхольд.

Я незлопамятен, но как забыть, что, пробуя себя на актерской стезе, я забрел в эту студию, а Плучек не оценил моих актерских дарований и не принял. Зато прошли годы, и Евгений Леонов, с которым мы тогда были близки, попросил у меня совета — не пойти ли ему в Театр сатиры. И я его отговорил. Боже упаси, не из чувства мести. Я просто понимал, что его уникальная индивидуальность не впишется в яркую, но совсем иной природы компанию комиков этого театра. Но Папанова, горжусь, привел в Театр сатиры именно я.

Однако еще до этого, в годы войны, наши пути пересеклись в Заполярье. Я приехал с гастролями фронтового театра. А там, в Театре Северного Флота, уже гремел Валентин Николаевич. Его спектакли шли на «ура». И как забыть блистательную Зиночку Плучек, верную спутницу жизни режиссера, которая пленяла в роли Надежды Дуровой. Изысканная, темпераментная, в восхитительном трико... Эх, молодость, молодость!

Вообще, стыдно признаться, но в компании с Плучеком я всегда тушуюсь. Хотя наши физические кондиции (рост, вес и т. д.) несоизмеримы, я неизменно опускаю голову перед блеском его личности. Плучек фантастически образованный человек. Литература, музыка, а особенно живопись — диву даешься глубине и широте его познаний. А чувство юмора? А дар рассказчика? О его показах на репетициях ходят легенды. И какое чувство собственного достоинства, какой такт, какой сильный характер!

Не так давно на очередном обсуждении итогов театрального сезона критики, будто сговорившись, решили произвести

«чистку» Мастера. Ниспровергательные слова лились рекой, а Плучек сидел тут же, в зале, и все это было невыносимо, и я уже начал хвататься за сердце. В это время Мастер попросил слова. Нет, он не отвечал на нападки, не мстил, не отбивался. Он просто говорил о Театре. Это была блистательная речь. Я чувствовал, как все упражнявшиеся до сих пор в словоизлияниях прямо на глазах превращались в пигмеев.

Однажды мы узнали, что Плучек — двоюродный брат знаменитого Питера Брука. Сели друг напротив друга два режиссера, и обнаружилось поразительное внешнее сходство. Словом, «узнаю брата Петю!». Только взаправду, всерьез. Думаете, Валентин Николае-

вич возгордился? Какие пустяки! Просто это обстоятельство прибавило ему радости творчества и уверенности в своих силах. Что и говорить — порода!

Не перестаю удивляться, с каким мужеством несет он крест жанра сатиры. И как легко ломает его рамки. Грибоедов, Гоголь, Брехт, Чехов. Теперь вот Шекспир, «Укрощение строптивой». Плучек — все тот же азартный и самолюбивый юноша. Не хочет и слышать о юбилее, пока не выпустит премьеру. В ней будет, говорят, играть одна молодежь. Новые питомцы. А сколько он их воспитал — славу, гордость и любовь российского театра и кино.

В Москве живет и работает

Валентин Плучек. Мастер. Уникальная личность. Выдающийся ум и талант. Как мы умеем не замечать того, кто рядом с нами!

...Плучек по-стариковски прогуливается вокруг дома. Мы встречаемся. Ну и о чем могут говорить два молодых, помешанных на театре человека? Конечно же, о нем, прекрасном и треклятом. Ненавижу так любезную сердцу критиков «пыль кулис». Если не иметь к ней иммунитета, можно так нагло таться, что задохнешься. Но Плучек снова шутит, вставляет «шпильки». И я снова тушуюсь, робею, склоняю голову... Впрочем, еще посмотрим, кто кого!

Андрей ГОНЧАРОВ.